



**УПАСИ** вас бог по-знать заботу — об ушедшей юности тужить, делать нелюбимую работу...». Делать нелюбимую работу. Прав поэт: что уж может быть безысходнее? Как часто от этого ломаются характеры и не получают судьбы! Зато когда наоборот: она — любимая и нет этого тягучего и безрадостного существования, тогда с человеком происходит самое необходимое на свете — он работает в захлеб, открывая для себя в жизни столько удивительного, что все это может уместиться в единственном подходящем слове — счастье.

Начинаю думать об этом и сразу вспоминаю актера нашего театра куклол Алексея Афанасьева, Лешечку, как зовут его друзья. Вспоминаю в тот момент, когда после спектакля «Белоснежка и семь гномов» Алексей в тревоге и сомнении спросил: «Ну как, получилось? Только честно». Он ждал оценки своего первого опыта в режиссуре большого спектакля. А у нас у всех еще стояла перед глазами сцена из «Белоснежки». И маленький гном Четверг по-детски отчаянно молил грозовую тучу убить его, потому что, когда умрет бессмертный гном, время хоть ненадолго, но остановится, и этого хватит, чтобы принц успел спасти девочку, которая сделала им столько добра. Притча, сказка, но вот ведь власть ее оказалась гораздо сильнее, чем мы привыкли думать, давным-давно распрощавшись с детством... Почему Алексей выбрал эту пьесу? Говорит, что она давала возможность синтезировать, использовать все, на что способен театр куклол, к тому же каждый персонаж охарактеризован очень четко. И все-таки, хотя Алексей об этом и молчит, сначала он

непрерывно слышал горячую мольбу маленького гнома, замер сам, вспомнив Андерсена, а уж потом четыре года стал мечтать об этом спектакле.

**СРЕДИ** людей мало знающих Афанасьев обычно ступшевывается. Посматривает. Молчит. Слушает. Сам

театр не придет. Вернее, прийти-то сможет, да театр его отторгнет как нечто инородное. Но в шестнадцать лет (а именно в этом возрасте Алексей стал кукольником) трудно решить: любишь ли ты детей. Выбор профессии определила семья. Как она это сделала?

В городе Кирове с 1937 по

предложил ему заменить уехавшего актера в спектакле «Василиса Прекрасная», Пьесу Алексей знал еще по кружку и почти без репетиций стал играть Кота. Отец похвалил, как всегда, очень скупно. Вот так Алексей и превратился в кукольника. Собственно, вначале у него было только огромное

куклой Ирма Эмильевна Суни. Слово сам 12 лет в театре не работал... Глаз не мог отвести от этого фантастического мастерства. И тогда я понял, как мне повезло попасть в такой театр.

**ЕСЛИ** актер начинает мечтать о «своем» спектакле, то это, по моему,

всеми своими волшебными чудесами. Но, прежде чем это стало, сколько же вспыхивало между ними — режиссером и художником — споров! Ведь два совершенно различных человека, каждый со своим прочтением пьесы, должны были прийти к общему знаменателю. И, как всегда, весь коллектив театра дружно помогал сделать сказку лучше.

# ЗАКЛИНАНИЕ № 533

ОЧЕРК

же в разговор вступает неохотно. Бродя малокоммуникабельный он человек. Но если кто-то из взрослых пришел с ребенком, то можно не сомневаться, что через считанные минуты незнакомый малыш доверчиво заберется на колени только к Алексею. Уж как ребята (некоторые и говорят-то еще толком не умеют) определяют, кто для них самый интересный человек, — неизвестно. Известно психологам пока одно: дети безошибочно отделяют истинное к ним тепло от фальши. Потому и тянутся к Афанасьеву, что чувствуют, насколько они ему тоже интересны и дороги.

— Очень благодарный у нашего театра зритель, — говорит Алексей. — Недавно играем сказку, и по ходу спектакля меня обманывают, а я должен верить. Так в зале вой стоит, кричат: «Не верь!». Так что отклик у зрителя получаем немедленный. Особенно люблю в пионерские лагеря ездить. Там условия походные, сцены нет, одна ширма. Ребята сразу же после спектакля нас окружают и начинают выкладывать свои мысли. Кстати, очень дельные бывают замечания. Только слушаю.

Как становятся кукольниками? Понятно, что человек, не любящий детей, в такой

1972 году главным режиссером театра куклол работал отец Алексея, мама в том же театре была бутафором-скультором. И расцвели Афанасьевы семерых детей. Алексей шел по счету четвертым. Все они выросли в театре.

А театр, как заметил в своей книге Анатолий Эфрос, «сильно отличается от любого учреждения... Нигде люди так не сближаются друг с другом, как здесь. Это большое и странное семейство. Все необыкновенно открыто, распахнуто. Каждый знает про каждого все... Два месяца в году — гастроли. Все живут в гостинице, после спектакля ходят по номерам и говорят, говорят, говорят». Афанасьевы-младшие тоже ездили на гастроли, дожидались за кулисами, когда заберут их домой, слушали увлеченные споры взрослых, видели их радости и беды. Родители работали с той самоотдачей, которая так отличает труд кукольников вообще. А что может агитировать за профессию лучше, чем это? Пять из семи Афанасьевых выбрали на веки вечные театр.

Алексею до смерти хотелось играть самому. Для этого после школы он бегал в самостоятельный кукольный кружок. Однажды летом во время гастрольной отец

желанье стать им. Все остальное сделала работа. Труд, даже чисто физически, очень нелегкий. Попробуй поводить на поднятых руках куклу жирафа весом в четыре с половиной килограмма?!

Одно время по невежеству своему я считала, что актеру в этом театре играть легче, чем, к примеру, в драме. Забыл роль — можешь почитать прямо с листа, за ширмой ведь все равно не видно. Зато когда впервые удалось посмотреть спектакль именно за ширмой и я увидела, как самозабвенно играют актеры, буквально сливаясь в выразительности с куклой, силой своих переживаний делая ее живой — это было как прозрение. С тех пор в спектаклях театра никогда не разделяю роли на маленькие и большие, для меня они все ведущие, потому что за ними видится огромный труд. Говорю сейчас об этом Алексею, а он в ответ:

— Когда я приехал в Калинин, уже было за плечами 12 лет работы. Мне дали роль царя в «Большом Иване». Спектакль уже шел. Надо было вводиться побыстрее. Посадили за ширму, говорят: «Смотри, что делает актер, то и будешь делать». А я сразу стал смотреть... на Попа и онемел от того, что делала со своей

лучший показатель хорошей творческой атмосферы в самом театре. Калининские кукольники по натуре экспериментаторы. Обретя новую сцену, они принялись ставить большие спектакли для взрослых, использовать куклы разных систем, актеры все чаще появлялись на сцене в живом плане. Театр доказывает на деле, что его возможности просто неисчерпаемы.

Когда Алексей получил «добро» на постановку спектакля «Белоснежка и семь гномов», для него начались удивительные два года поиска. По-прежнему были привычные репетиции, новая роль Создателя в «Божественной комедии», но было еще и очень личное.

Живой план, персонажи-маски, куклы различных систем — вот такой гибрид задумал Афанасьев для «Белоснежки».

Художником этого спектакля стала Виктория Воеводина — преподаватель Калининского художественного училища. До сих пор ее знали как строгого графина. Это была самая первая работа Виктории в театре. Увлеченный сценографией, Воеводина дала полный простор своей фантазии. И появились трогательные и лукавые куклы-гномы, яркие декорации, в которых сказка свободно разворачивалась со

**С ЛЮБИМОЙ** работой всегда трудно. Сколько ночей не доспишь и сколько нервов изведешь... Но если целью Афанасьева было бы только пресловутое желание «себя показать», не стоило, наверное, и писать обо всем этом. Конечно, ему хотелось проверить свои знания и силы. Но когда несколько лет назад он мимоходом сказал, что будет проситься ставить сказку, мне сразу подумалось, что получится непременно добрый спектакль, с какими бы огрехами ни вышел.

В сказке «Вася и Васька» Афанасьев играет... Волшебника Алешу, то есть того самого Лешу, к которому льнут ребята. Хвостун Кот Васька потихоньку подглядывал в волшебных книгах Алешки заклинание № 532. И начал направо и налево превращать всех в мышей. До того превращал, что и сам в конце концов стал мышкой. Когда события окончательно запутались, на выручку приходит Волшебник Алеша. Он-то знает заклинание № 533. Стоит его произнести, как все чудесно преобразается и торжествует добро. Так вот работа Афанасьева в театре мне всегда кажется его вечным путем к этому заклинанию. Волшебство искусства творится для того, чтобы ликвидировать зловещий зал, победивший зло. Волшебство искусства нам, взрослым, дает возможность хоть ненадолго вернуться в горячую искренность детства.

М. МОТУЗКА.